

АЛЕКСАНДР
СНЕГИРЁВ

Я намерен
хорошо
провести
этот вечер

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «РУССКИЙ БУКЕР» 2015

«Философия автора – в изображении
противоречивости жизни и натуры человека».

– ЖУРНАЛ DESSERT REPORT –

Проза о любви и боли

Александр Снегирёв

**Я намерен хорошо
провести этот вечер**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Снегирёв А.

Я намерен хорошо провести этот вечер / А. Снегирёв —
«Эксмо», 2015 — (Проза о любви и боли)

Он мечтал о счастье. И всё его обещало: и вёдра с нарциссами на стойке бара, и острый запах прелести, наглости, ранимости, разлитый в клубе, и паратройка «лонг-айлендов», и чувство уверенности, что любит и любим той единственной, которая сейчас далеко. Он мечтал... Но только апреля в сердце не было. Как не было ощущения, что по-прежнему юн. Как не было веры, что любовь настоящая. Чтобы заглушить острую боль несвершившегося и утраченного, он решил, что просто хочет хорошо провести этот вечер...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Снегирёв А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Выборы	5
В Баку	7
Авиэль	9
Первое сентября на старой даче	11
Иди в ничью комнату	13
Туфельки Сесилии	16
Нефертити	17
Попасть на Новодевичье кладбище	20
Аллергия на мандарины	22
Зайчик, который живет под снегом	25
Как мы сбили Ивана Пургина	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Снегирёв

Я намерен хорошо провести этот вечер

Выборы

С восьми утра до восьми вечера все порядочные люди осуществляют в этот день свое волеизъявление. Я зарабатываю деньги на карманные расходы – работаю наблюдателем от одной крупной партии на избирательном участке № 4.

Делать мне особенно нечего. Иногда звоню в штаб партии и сообщаю процент проголосовавших. В остальное время сижу и читаю роман Фриша «Назову себя Гантенбайн». Больше всего мне нравится сцена, где герой ездит на «Порше» по швейцарским горным дорогам. Я бы и сам не прочь прокатиться на таком автомобиле по захватывающему серпантину.

Рядом маются другие наблюдатели: бабуся от коммунистов и дяденька неизвестно от кого. Дяденька беспрерывно жует, а рот у него как у американского актера Тома Беренджера, четко очерченный и порочный. На этом сходство с Беренджером заканчивается. Он то и дело вскакивает и помогает избирателям запихивать бюллетени в щели. Будто они сами не справятся. Когда дяденька вскакивает, то желтый пакетик с провизией зажимает между коленками. То жует, то пакетик зажимает. Одна из бабусь ковыряет ногти, другая, в пуховой накидке, читает газету с полуголой бабой на обложке. Выборы проходят спокойно.

В четыре часа пополудни происходит инцидент. В помещение врывается разгоряченная блондинка и требует разрешения проголосовать за свою бабушку. Бабуля, мол, приболела, находится в больнице и сама явиться не может. Блондинке, понятное дело, не разрешают. Она настаивает. Ей все равно не разрешают. Тут она краснеет вся, надувается, будто тотчас лопнет, и начинает реветь. Эта блондинка училась в моей школе несколькими годами старше меня. Я ее помню. У нее всегда пуговики на блузке почти отскакивали, такая грудь здоровая.

После того как блондинка уходит, оглашая рыданиями округу, и страсти успокаиваются, меня вызывают контролировать голосование на дому. Парень из комиссии берет маленькую урну, и мы отправляемся по адресам больных и немощных в ближайшие дома. В первой квартире нас встречает явная симулянтка. Сидит эдакая толстуха и смотрит телек на кухне. Типа сама прийти не могла. Затем следует пахнущая лекарствами, недавно прооперированная старушка. Ее сменяет бородатый дядька с тощей женой. Вся его квартира до потолка завалена геологической литературой. Наверное, он геолог. Представляю, как после его кончины наследники забьют мусорные баки доверху всей этой геологией. А пока он весьма бодренький и, почувствовав наше недоверие, принялся втирать про какие-то уколы. Одно расстройство с этим геологом. Мало того что он нас задерживает, так еще в подъезде на нас орет консьержка с высокой прической а-ля Екатерина Великая.

В завершение похода нам открываются две живописные квартирки. Первая – жутко вонючая, со слепой пенсионеркой. Кроме нее в помещении находятся ее бородатый сын и внук. Ну и воняет же у них. Мало того что пенсионерка лежащая, так они еще кошек вздумали разводить. Пока я сижу в инвалидном кресле с дыркой для горшка и терпеливо даю пояснения, бородатый успевает обозвать одну из кандидаток проституткой, а уважаемого политика – старым пердуном. Минут через двадцать заботливые дети и внуки наконец втолковывают слепой старухе, кто есть кто, и ставят галочку (там ли, где сказала бабуся, или нет, я не вижу), и мы отправляемся дальше.

На десерт достается усталая мамаша, которая сразу же исчезает за поворотом коридора, бросая на ходу «сейчас разбужу». Будит она, как выясняется, сына. Сын по паспорту осетин,

а по виду наркоман. Худющий – ужас. Не пойму, чего он сам не пришел? Наверное, мама из дому не выпускает.

Вернувшись на участок, мы передаем урну председателю счетной комиссии, и я жду конца голосования. Бьет восемь, двери закрываются, и я сломя голову несусь в буфет, где минут за пять съедаю тысячу бутербродов с сыром и с чем-то коричневым. Пока у меня набит рот, сухая гримза из комиссии объясняет мне про пользу черного чая и про то, как она его фигачит целыми литрами по утрам натошак из пиалы. В слове «пиала» гримза упорно ставит ударение на последнюю гласную. Получается «пиалА». Короче, через пять минут я бегу прочь из буфета подальше от этой чайной фанатки с ее «пиалОй».

Дяденька с губами Тома Беренджера перестает зажимать ногами пакетик и оказывается весьма милым. Мы с ним болтаем даже о чем-то. Положительный чувак, только пахнет от него странно, возрастом, что ли. Бывает, от пожилых мужиков с пакетиками пахнет чем-то особенным. Не то чтобы неприятно, но вдыхать не хочется.

Пока идет подсчет голосов, я таращу глаза. Мне хочется спать. Мой взгляд постоянно натывается на огромные глаза дамочки с пиалой. Глаза у нее величиной с очки, а очки приобретены, видимо, еще во времена диско. Тогда было модно носить громадные. Она наверняка одинока. Не нашелся еще герой, готовый заглянуть в эти глаза.

Тем временем один мужчина из комиссии, сжимая кулачки, шипящим шепотом доказывает бледно-зеленой даме правоту своего варианта подсчета голосов. Мужчина походит на паука: уши без мочек, зубы маленькие, а волосы мышиные и скорее даже пух, а не волосы. Еще у него виднеются трусы. То есть не сами трусы, а их, трусов, очертания, проглядывающие сквозь брюки, обтягивающие зад. Трусы как у женщин. Врезаются в попу и подбирают яйца. Свободы никакой, одна скованность. Не доверяю я людям в таких трусах.

Начинается подсчет. Бабульки от коммунистов спорят, почему их партия очевидно проигрывает. Они сходятся на мысли, что был, мол, план наступать сетью. Проще говоря, партия раскололась. А бабушки переживают, говорят, «товарищи недосмотрели».

Подсчет голосов близится к концу. С председателем истерика. Наверное, от усталости. Она то хохочет, то рыдает. Выглядит это не очень: сами понимаете, слушать от немолодой дамы «гы-гы-гы» и «я больше не могу» в половине второго ночи не самое приятное занятие.

Потихоньку все становятся бледно-желтыми, а мужики вдобавок щетинистыми, кроме самых нежных, с пунцово-розовыми щечками. Я смотрю по сторонам и думаю, что было бы клево тут крутить кино. И места достаточно, и есть где экран повесить.

Свое дело члены комиссии завершают к трем утра. Я с заверенными протоколами под мышкой направляюсь в штаб. Он располагается неподалеку, в десяти минутах ходьбы. В штабе перед телевизором скучает дежурный, а на стене, ничего не боясь, сидит крупный таракан размером с молоденькую лягушку.

Я всем доволен. Опыт, который я приобрел, и полученные впечатления обогатили мой внутренний мир, а растворимого кофе и печений «Юбилейное» я поглотил на одну-две жизни вперед.

В Баку

Летом 1988 года Валя Н. сопровождала группу иностранных студентов в поездке по Азербайджану. Валя Н. и моя мама были большими подругами. Валя Н. предложила моим родителям отправиться в это путешествие в составе группы. Время было бедное, путевки являлись дефицитом, и такой возможностью грех было не воспользоваться. Родители согласились и прихватили меня.

В Азербайджане мы видели много интересных вещей: Девичью башню в Баку с отметками, где раньше был уровень воды, качающие нефть машины с переваливающейся перекладиной, похожей на полоток. Мы ехали девять часов по пустыне и срывали плоды гранатового дерева прямо у дороги. В рыбоводческом колхозе нам показали пруды с бетонными берегами, кишащие форелью, а одна рыба даже цапнула за палец служителя, который кидал ей корм. На пальце выступила кровь, все ахнули, а служитель радостно улыбался. Мы видели нашего экскурсовода, волосатого толстяка, который рано утром купался в бассейне голым. Мы видели пятки латиноамериканского студента, с сине-зелеными точками – он валялся в постели с однокурсницей, сказавшись больным, а Валя Н. строго тащила их на очередную экскурсию.

Я помню, как в гостинице «Апшерон» отключили воду и по всем этажам тотчас распространилась жуткая вонь. Помню, как на торжественном приеме в ресторане «Гелюстан» я перепутал щедро украшенный кусок мясного паштета с тортом, сунул в рот и, не почувствовав сладкого вкуса, ужасно застеснялся, будто все вокруг в этот момент только и думали о том, что я перепутал паштет с тортом. Помню, как в другом ресторане, в горах, я стукнулся лбом о стеклянную стену – я ее не заметил – и очень сконфузился от того, что раздался звон, подобный колокольному, и что красивая студентка из Гватемалы, к которой я испытывал тайную симпатию, бросилась меня жалеть. Помню, в той поездке папа прочел мне вслух всю «Капитанскую дочку». Помню торжественное возложение венков к памятнику двадцати шести бакинским комиссарам. Я шел рядом со взрослыми, старательно замедляя шаг, и представлял себя выжившим в боях героем, который пришел помянуть погибших товарищей. Были еще храм огнепоклонников с черными дырками потухших «вечных» огней, и темные приморские вечера с катанием на простеньких каруселях, и чайхана со стаканчиками, формой повторяющими узкие талии и широкие бедра танцовщиц, и базар, не уступающий многим музеям, с залами зелени и овощей, галереями специй, чертогами куриных тел и бараньих ребер. Однако рассказ мой не об этом.

Во время очередной прогулки по городу я захотел писать. На счастье, неподалеку оказался железобетонный общественный туалет, очень похожий на фашистские оборонительные дзоты, какие я видел в Нормандии спустя много лет. Тогда, в Баку, я еще не знал об этой зловещей параллели и послушался маму, которая подвела меня к «дзоту» с той стороны, где над входным проемом проглядывался мужской опознавательный знак. Мама подпихнула меня, и я с яркого каспийского солнца нырнул в крошечную тьму.

Когда мои глаза, первоклассника московской спецшколы с углубленным изучением французского языка, привыкли к темноте, я различил следующее. Плесень и нечистоты делали помещение, в котором я оказался, весьма живописным. Вдоль стен зияли пробитые в полу дыры. Они походили на дыры в храме огнепоклонников, только крупнее. Края дыр украшали какашки разной давности, судя по степени их разложения. Отдельные какашки в беспорядке были разбросаны по полу. Над большей частью дыр на корточках кавказским полукругом сидели молчаливые усачи с мрачными лицами в пиджаках и кепках диметром с канализационный люк. В Баку повсюду можно было наблюдать таких усачей, сидящих на корточках. Только они обычно имели на себе брюки. У этих же брюки были спущены. Некоторые курили.

Справа, на уровне моего розового ушка, из крана капнула вода. Из умывальника с жужжанием поднялось несколько жирных мух. Я нерешительно потоптался и нервно вытер вспотевшие ладошки о новенькие голубые штаны-бананы. Штаны мне сшила молодая модница Вера И., дочка другой маминой подруги. Усачи повернули недружелюбные носы в мою сторону, этот джентльменский клуб явно не хотел меня принимать. Сглотнув, я попятился и вышел на свет и сказал маме, что все прошло благополучно.

Спустя многие годы я с нежностью вспоминаю то детское путешествие. Когда заходит речь об Азербайджане, я рассказываю о форели в забетонированном пруду, о Девичьей башне, о пустыне, ресторане «Гелюстан» и о «Капитанской дочке».

Валя Н. умерла несколькими годами позже от рака, хотя поговаривали, что от СПИДа. Жажда любви, которой она была лишена на родине, вылилась в многочисленные связи в зарубежных поездках, ставших тогда доступными.

Модница Вера И., сшившая мне штаны-бананы, погибла в автокатастрофе, впервые сев за руль нового автомобиля. А штаны-бананы отдали носить какому-то другому мальчику, когда я из них вырос.

АВИЭЛЬ

Саша решил сделать обрезание по двум причинам. Во-первых, он слышал, что это предохраняет от заболеваний, а во-вторых, а это, пожалуй, основное, секс у обрезанных длится дольше, чем у остальных. Может, вранье все это, только Саше рассказали, что в тот хоботок кожи, который удаляют в процессе ритуала, выведены многочисленные нервные окончания, повышающие чувствительность. Соответственно, если отрезать их, чувствительность снижается и кончаешь ты не сразу, едва увидел пару грудей, а успеваешь донести кое-что до самой обладательницы этих форм, что тоже неплохо в наше нервное время. «Будешь гонять минимум полчаса», – подбодрил хирург районной поликлиники. Это было столь щедрым посулом, что Саша не выдержал и бросился осуществлять свою затею.

Он стал наводить справки. Приятели, врачи, служители культа. Все были перебраны для того, чтобы найти наилучший вариант. Наконец решение появилось: оказалось, что в синагоге делают обрезание бесплатно. Но только евреям, разумеется. Саше было известно, что его бабушка была еврейкой наполовину, по маме. Мама была еврейкой на четверть, сам Саша – на одну восьмую. Этого оказалось достаточно, ведь в расчет берется женская линия, а по женской линии Саша был самым что ни на есть жидом жидовичем. Он собрал все свидетельства о рождении, свидетельства о браках, переменах фамилий. Целая кипа получилась. В нескольких потертых книжечках с потрепанными уголками, в этих ветхих, протертых на складках бумажках заключалась вековая история семьи. Войны, революции, погромы, свадьбы, рождения детей, обыски, аресты. Жизнь, смерть и любовь были выведены каллиграфическими перьями государственных регистраторов на картонных страничках. Цвет обложек был бурокрасный, темный. Цвет засохшей крови.

В здании синагоги на Большой Бронной, похожем на кинотеатр сталинских времен, толпились старики с лицами, напоминающими печеные яблоки, и носатые старухи с волосами, крашенными хной. Саша на всякий случай снял бейсболку. Первый встречный бородач в шляпе строго произнес:

– Ты зачем шапку снял? Надень обратно!

– Так церковь же... – брякнул Саша.

– Это не церковь, а синагога! Покрой голову, если ты еврей!

Не то чтобы Саша почувствовал себя евреем, но бейсболку надел.

Оказалось, что хирурга, делающего обрезание, называют моэль, а имя его Натан. У Натана была светлая борода, и какие-то серебристые нити приторочены к поясу. На голове ловко сидела кипа. Нрав у Натана оказался веселым, Саша почувствовал себя комфортно.

С доказательствами собственной принадлежности к народу Израиля пришлось поворазбираться. Свидетельство о рождении бабушки оказалось не подлинником, а копией, выданной в семидесятые.

– Хорошо, что копия семьдесят второго года, – сказал Натан. – Начиная с девяностого сплошные подделки.

Бабушкина причастность к ее родителям тоже была сомнительной, так как в свое время она поменяла имя. В итоге Натану и Саше все же удалось вывести стройную логическую теорию, в соответствии с которой Саша таки официально признавался достойным бесплатного обрезания.

От слов к делу перешли не откладывая. Помощником Натана оказался сухой старичок в темно-серой «паре». Лицо старичка напоминало передержанную на гриле тощую курицу: копченая кожа туго обтягивала череп, едва не лопааясь на носу и челюсти. Натан ласково шутил с Сашей, но старичку спуску не давал. Покрикивал на него и брюзжал.

Старичок тщательно вытер лужу, натекшую с Сашиных ботинок, и препроводил его в операционную. Там Саше велели снять штаны и прыснули «заморозкой».

Каждый желающий сделать обрезание должен заполнить короткую анкету. В том числе надо указать еврейское имя. Никакого имени, кроме собственно «Саша», у Саши не было. Натан протянул ему книжечку с именами и предложил выбрать любое. Эту книжечку Саша листал на протяжении всего процесса операции.

Он улегся на кушетку в одной верхней кофте. Перед носом установили желтенькую занавесочку, чтобы оградить Сашу от кровавого зрелища. На голову надели кипу, процесс все-таки священный. Перед началом моэль зачитал какие-то заклинания. Некоторые Саше было велено повторить. Повторял он невнятно, потому что ничего не разобрал. Натана это не смутило, и он приступил к делу.

Саша ощутил, как игла шприца несколько раз вошла в него. После прысканья «заморозкой» и уколов чувствительность окончательно утратилась и оперируемый орган перестал быть Сашиной принадлежностью, а зажил своей жизнью в руках Натана.

«Авив, Авигдор, Авиноам», – по слогам читал Саша, не сразу разобравшись в обратном привычному, европейскому, расположению страниц слева направо. Иногда он поглядывал в окно. Там были хорошо видны окрестные дома. Саша подумал, что, живи он в этих домах, обязательно смотрел бы сюда в бинокль.

Сначала было мокро и прохладно. Потом заскрипели зажимы, зашуршали салфетки. «Авирам, Авраам», – перебирал Саша.

– Позови! Он сидит в зале, в левом ряду от входа, – приказал Натан старичку.

Скоро пришел кто-то и обхватил его голову ладонями. Лица пришедшего Саша не видел. Пришедший вместе с Натаном прочитал заклинания, и неизвестный удалился.

«Нет, не смотрел бы я сюда в бинокль, – подумал Саша. – На что, собственно, смотреть-то?»

– Перекись! – скомандовал Натан. Старичок зазвенел склянками. – Да не эту, другую бутылку! Может, мне самому ее искать?!

«Авиэль. Сын Бога. Ныне редко употребляемое имя».

Саша несколько раз произнес имя на пробу. Звуки ласкали нёбо и губы. Что-то нежное и чувственное таилось в этих звуках. «Сын Бога. Странно, почему оно редко употребляется? Такое красивое».

– Ну что, выбрал? – спросил Натан.

– Авиэль.

– Красивое имя, – сказал Натан, поднимая и опуская руку с иглой и нитью.

Через несколько минут все было кончено. Саша поднялся, отодрал от волос вокруг забинтованного члена прилипшие сгустки крови и заправил огромный сверток в джинсы. Натан дал ему инструкцию, как себя вести после обрезания. Хорошая инструкция, все разложено по полочкам: что может произойти, что делать, чего опасаться, чего нет. Швы должны были рассосаться недели через две.

Вечером Саша читал «Трех мушкетеров», и в сцене, где д'Артаньян ласкает служанку Миледи, а потом и саму госпожу, у Саши встал. Сделалось больно. Он старался думать о снеге и морозе. Ничего не получалось, белое плечо Миледи с крохотной лилией не шло из головы. Саша обратился к инструкции и узнал, что в подобных случаях следует опустить ноги в холодную воду. Так он и сделал. Стояк словно ветром сдуло.

Теперь Саша ждет, когда можно будет испытать новшество в деле. Все-таки полчаса – это не шутки.

Первое сентября на старой даче

Тридцать первое августа

Наверное, еще очень рано, потому что изо рта идет пар. Солнце тем не менее уже приятно печет из-за соседских яблонь. Точное время мне неизвестно – в доме нет часов. Я расселся в линиялом плетеном кресле, подложив под себя сложенное вчетверо одеяло, чтобы прутья не резали попу. С одеялом сидеть приятно и мягко, прутья совсем не чувствуются. Лето кончилось.

Слева растет куст жимолости с запотевшими листиками. Впереди – заросли малины, а справа – Пуся, чмокающая губами. Потихоньку начинают просыпаться осы и мухи. За спиной, в черной пленке, которой накрыты четыре бруса, сложенных возле дома для ремонта, шуршит мышка. С листьев яблонь падают мокрые капли.

Высоко летают самолеты, а за полем идут поезда. Повсюду с веток то и дело шлепаются яблоки. Сосед слева ходит, пригибаясь, и подбирает их с земли. Я тоже не даю урожаю пропасть и собираю упавшие яблоки в зеленое ведро, а иногда и срываю с веток. Яблоки я ем, предварительно очищая от червячков. Яблоки крепкие, неспелые и вкусные.

В ветках сосны, выше, чем можно разглядеть, шебуршится неизвестная птица. Она хлопает крыльями и пищит. С других деревьев ей в ответ пищат другие птицы. В траве трещат насекомые, стрекочут кузнечики и ползают жуки. С ветки на ветку прыгают сороки. Пуся переместилась в дом и теперь шумно чешется, стуча когтями. Осы пытаются отобрать у меня арбуз, я отбиваюсь книгой детективов «Смерть под парусом».

Чтобы ноги загорали, я задрал клетчатую ночную рубашку выше колен. Предпочитаю плотные ночные рубашки любой домашней одежде. Если не удастся раздобыть мужскую, не чураюсь женских. Итак, я задрал подол, не решившись оголиться выше, трусов на мне нет. Стесняться некого, соседи напротив уехали еще вчера, но сосед справа наверняка подумает бог знает что.

Потихоньку начинаю хотеть в туалет. А добраться до этой покосившейся деревянной кабинки не так-то просто, а пожалуй, и опасно. Дело в том, что одна-две, в крайнем случае три полосатых осы, слетевшиеся вчера на арбузы, превратились сегодня в целую стаю жужжащих монстров. А все потому, что папа принялся наводить порядок и выкинул в компост почти тонну забродившего малинового варенья. Такое искушение осам преодолеть не под силу, и они все ринулись к нам. Теперь, когда я крадусь в туалет мимо компостной кучи, стараясь не привлекать внимания, в воздух поднимается густой рой чудовищ, злобно гудящих в мою сторону. Наверное, они принимают меня за потенциального конкурента по части варенья. Мужество покидает меня, и я, подгоняемый самой жирной и наглой из всех летуче-полосатых тварей, несусь прочь.

Получасом позже желание пересиливает страх, я собираю волю в кулак и уверенно, на одном дыхании, прорываюсь к дощатой кабинке. Сажусь, оставляя дверь открытой. Вижу перед собой темно-зеленые заросли дикого винограда и хмеля. Слушаю стук падающих яблок и жужжание ос.

В нашем ветхом дачном домике, заповеднике старых плащей и шляп, сонное царство. Если обитатели не спят, то едят. Если не едят, то готовят пищу. Распорядка нет никакого: после завтрака все ложатся спать. Когда папа переворачивается с боку на бок на втором этаже – слышно, как скрипит кровать. А из другой комнаты доносится, как мама писает в ночной горшок.

Обычно я валяюсь под синим ватным одеялом, заправленным в дырявый пододеяльник. Когда мама зовет к столу, я опускаю ноги прямо в расшнурованные кеды и лениво шлепаю на веранду. Кеды совсем новые, я только что купил их в магазине «Найк». Синие, с большими

белыми загогулинами по бокам. Если кед поблизости нет, обуваюсь в резиновые коричневые советские шлепанцы. Много лет назад у папы были точно такие же, тогда я был малышом и папа водил меня в бассейн «Пионер». Те шлепанцы быстро порвались, после чего папа связал их шнурком. Они до недавнего времени часто попадались на глаза, в ящике для обуви в нашей старой квартире. Теперь квартиру продали, а шлепанцев и след простыл. Эти же шлепанцы-двойники взялись неизвестно откуда.

Улегшись после завтрака обратно в постель и выбравшись оттуда только к полудню, я устроился в любимом плетеном кресле возле белой кривоватой стены. Мы с мамой едим арбуз. На маме бледно-голубой халат. Арбуз кислый, и мама честит продавцов. Меня коварство торговцев не тревожит, я люблю любые арбузы.

Солнце поднялось высоко, погода стоит замечательная. Папа арбуз не ест, а моет коврики в машине. На нем джинсовые шорты, подвязанные веревочкой. Пуся тоже арбуз не ест, а выпрашивает курицу у соседей.

Первое сентября

В честь первого сентября я принарядился. Впрочем, здесь я часто меняю наряды без всякого повода, дом переполнен интересным старьем. Кое-что я забираю в далекие путешествия. В Швейцарии носил серый свитер, связанный дедушкиной любовницей Сонечкой. Свитер был вполне ничего, пока мадам Анна не постирала его в машинке. После стирки свитер превратился в подобие детской шапочки. Еще мне приглянулась майка в цветочек. Ей лет тридцать, и она явно женская. Майка едва достает мне до пупка. В ней я однажды явился в университет, после чего все преподаватели и особенно одна доцентша хорошо запомнили мою фамилию. До этого путали, а теперь помнят.

На этот раз я облачился в кремовый китель, брюки защитного цвета и одну из бесчисленных белых сорочек. Сорочки старые и штопанные. Их аккуратно отремонтировали, постирали и сложили здесь давным-давно, дожидаться, когда кто-нибудь пустит их на тряпки или просто выбросит все скопом. На голове у меня белая холщовая кепка. Ее носила бабушка, она на всех дачных фотографиях в этой кепке.

Я взволнован и немного взбудоражен. С шести лет все первые сентября я встречал то в школе, то в университете, а сегодня позволяю себе фронду – не иду в учебное заведение. Печаль необратимости и сладостность первого раза смешиваются встречными течениями, порождая неопишемое природное явление.

Родители уехали. Спускаясь со ступенек с кипящим чайником, я встречаю ежика. Ежик неторопливо переходит тропинку. На середине пути он останавливается и долго чешет пузико левой задней лапкой. Пуся недоуменно урчит, но броситься на ежика не решается. И только когда тот скрывается под террасой, она принимается азартно лаять и воинственно отбрасывать землю задними лапами.

Налажавшись вдоволь, Пуся взгромодилась мне на колени, уложив мохнатую голову на мою правую руку. Этой рукой я подносил ко рту чашку с чаем. Будь я левша, проблем бы не было, я бы подносил чашку левой рукой, но я не левша. Пусю беспокоить не хочется, и я деликатно жду. На кухне готовится овощное рагу. Холодильник пустой, а в магазин идти лень. Пришлось разыскать в траве кабачок и порезать на части. Кроме этого я надергал из грядки тощих свекл и маленьких, кривых, но очень сладких морковок. Все это я свалил в старую черную сковородку и поставил на плиту. Уже давно пора помешать, а то хана рагу, но жаль тревожить Пусю.

Приехали соседи напротив. Поблизости носится их внук Тема, активный четырехлетний толстун. Я пригласил Тему поесть печений. Он съел одно, поиграл с велосипедным насосом и, неожиданно сообщив, что идет какать, удалился. Я поворошил Пусю и пошел проверять рагу.

Иди в ничью комнату

Лет двадцать тому назад, в девяностые годы минувшего века, которые теперь одни вспоминают с восторгом, а другие осыпают проклятиями, жила в нашем доме Надя. Дом был стар, состоял из четырех подъездов, возвышался на восемь этажей и был разделен на шестьдесят четыре квартиры. В девятьсот тринадцатом году, когда дом только построили, квартиры принадлежали отдельным хозяевам, но революция, отмена частной собственности и рост городского населения существенно его уплотнили. Были счастливицы, которым принадлежало целых две комнаты, но подавляющая часть жильцов ютилась по «одиночкам».

Мы с родителями жили в просторном зале, некогда служившем гостиной какому-то адвокату, навсегда исчезнувшему в восемнадцатом году, мама с папой – на вечно разложенном диване, я – за шкафом. В трех других комнатах были прописаны художник Саша с женой Леной и маленькой девочкой Ирочкой, научные работники Майя Карловна с Анатолием Ефимовичем и одинокая веселая бабуся-жердь, Алевтина Васильевна. Жили дружно, из-за места у плиты почти не цапались, туалет и ванну мыли строго по очереди и жили бы так и дальше, если бы не наступили те самые девяностые.

Гражданам вернули право на частную собственность, и пошло-поехало. Майя Карловна с Анатолием Ефимовичем стали ссориться: она мечтала продать комнату и укатить к родственникам в Сан-Франциско, он хотел продолжить научную работу в местном университете. Художник Саша долго что-то разузнавал и вдруг отгородил часть коридора, сообщив, что это его законная доля и теперь там будет игровая для Ирочки. Моя матушка ворочалась по ночам на диване, настраивая отца на размен. И только жердь Алевтина Васильевна продолжала блаженно улыбаться незабываемой улыбкой, которую, как говорили, приобрела после гибели от голода годовалого сына в далекую эпоху великих строек.

Тут и появилась Надя. Жила она в одной из комнат на втором этаже со старухой-мамашей, бабой Гулей, бывшей дворничихой и по совместительству осведомительницей участкового. Работала Надя непонятно где, то ли уборщицей в больнице, то ли кассиршей в гастрономе. Да и неважно это, потому что девяностые круто Надину жизнь изменили. Она стала риелтором.

Первое, что сделала Надя, – уговорила соседа, пьяницу Славика, получить свидетельство о собственности на свои восемнадцать метров. Затем она внушила Славику, что столичный воздух вреден для его истосковавшегося сердца и пора ему перебраться на природу, благо и домик подходящий имеется. Славик и в самом деле рассказывал о двоюродном брате, обитавшем где-то в Тамбовской области. Неизвестно, что больше повлияло, аргументы ли о пользе деревенской жизни или тусклые пол-литры, которыми Надя регулярно снабжала Славика, но месяца не прошло, как он оформил жилплощадь на ее имя и укатил в направлении Тамбова, где его следы и затерялись.

Затем исчезла Зоя Васильевна, одинокая чертежница на пенсии, вторая Надина соседка. С Зоей Васильевной вышло иначе. Свежим воздухом ее прельстить не удалось, но Надя нашла выход. Сговорившись с участковым, она спровоцировала ссору на кухне, а затем вызвала докторов, которые за умеренное вознаграждение засвидетельствовали полную психическую невменяемость бывшей чертежницы и, не обращая внимания на ее душераздирающие вопли, свезли старушку в лечебное заведение.

Четвертая комната освободилась сама – проживающий там молодой человек, получивший жилье после детского дома, скоропостижно умер от наркотиков, хотя ранее в склонности к зелью замечен не был. Оставалась мама, но вскоре и ее Надя отправила лечиться следом за Зоей Васильевной. Таким образом, всего за полгода она стала владелицей просторной четырехкомнатной квартиры. Полное освобождение квадратных метров омрачило лишь проклятие,

посланное Наде бабой Гулей, увлекаемой сильными руками санитаров. Впрочем, Надя суеверной не была.

Решив не останавливаться на достигнутом, Надя развила бурную деятельность сначала в пределах дома, а затем и всего района и вскоре сделалась хозяйкой нескольких квартир. Поговаривали, что мужик из семнадцатой упирался, а потом пропал. Позже его фотографию видели в газете. Точнее не его самого, а разрозненных частей тела, которые вроде как ему при жизни принадлежали.

Удивительно, но еще недавно презиравшие Надю граждане скоро зауважали и ее саму, и почти новенькую иномарку, и ремонт в стиле евро. Особенно нравилась всем ванная комната, обшитая сосновой доской под дуб, которую Надя с удовольствием демонстрировала всем интересующимся. Перед ней стали заискивать, просили кого-то куда-то пристроить, что-то с кем-то утрясти и прочее. Надя сделалась достойным членом районного общества.

Дела у нее шли в гору и на личном направлении. Видные мужчины были замечены входящими вечером с букетами и тортами в дверь ее квартиры. По ночам из окон звучала музыка и неприличные крики, свидетельствующие о достатке и раскрепощенности хозяйки. Надя скаталась в Париж, сменила почти новую иномарку на совершенно новую и стала являть собой предмет абсолютной зависти.

А затем начались неприятности. Может быть, она кому-то перешла дорогу или не сумела договориться с новым участковым, пришедшим на смену предыдущему, получившему черепно-мозговую несовместимую с жизнью травму, а может, еще что-то. Но она вдруг сникла, продала квартиры, за исключением самой первой, реализовала иномарку и заперлась. Мужчины с букетами прекратились, телефон умолк, а однажды ночью кто-то стрелял в ее окно из травмата.

Здесь и начинается период Надиной жизни, о котором известно немного. Кто-то из дворовых пацанов по ее просьбе разок-другой сбегал в магазин, кто-то видел отблески в окнах, соседи за стенкой что-то слышали... Не ручаюсь, расскажу лишь то, о чем потом говорил весь район.

Перед самым своим внезапным падением Надя затеяла новый ремонт. Решила перестроить квартиру: кухню перенесла на место спальни, туалет и ванну – в бывший коридор, а в одной из комнат планировала устроить небольшой бассейн. Одним словом, осуществила незаконную, но распространенную в те годы перепланировку. Однако амбициозным планам не суждено было сбыться, стройка замерла. Лишенная большей части стремительно нажитой недвижимости, Надя бродила среди мешков с цементом, банок с краской и взломанного паркета и размышляла, как такое могло с ней случиться.

Толком не помня утвержденного самого же плана ремонта, Надя что ни шаг натыкалась на стены, дивясь причудливой планировке. Однажды ей показалось, что стена появилась там, где ее еще накануне не было, а там, где была дверь, теперь краснела свежая кирпичная кладка. Однажды ночью в квартире стало вдруг очень жарко. Обливающаяся потом Надя разделась догола и все никак не могла понять, откуда такая температура, ведь батареи-то ледяные. Она распахнула запотевшие окна, что привело к неожиданному эффекту. В комнатах ударил мороз, батареи покрылись инеем, а хозяйку затрясло. Надя бросилась рыться в коробках с упакованными вещами, искать по комнатам шубу, и тут наткнулась на мать, бабу Гулю.

Сначала Надя решила, что маму выписали, но тотчас же поняла, что это никак невозможно. Главврач получил убедительное материальное вознаграждение, полностью исключаящее самодеятельность. Надя кинулась прочь, но в помещении будущего бассейна снова столкнулась с мамашей. Та встретила ее в бывшей спальне, нынешней кухне, а затем и в санузле, расширенном под размеры двухместной ванны с гидромассажем.

Наутро к Наде вернулось самообладание, и она позвонила в клинику. В трубке сообщили, что баба Гуля ночью скончалась и находится в морге до востребования. Надя спросила о Зое

Васильевне и узнала, что старуха буянит и привязана к койке, а потому подойти к телефону не может. Хотела написать Славику, но не нашла адреса.

Сон у Нади пропал. Запасы спиртного иссякли, а покидать квартиру она не решалась. Пребывая в таком взнервленном состоянии, Надя вскоре услышала голос матери: «Иди в ничью комнату».

Голос бабы Гули не оставлял Надю, четыре странных слова непрерывно звучали в ее обоих украшенных золотыми серьгами ушах.

Ничьей комнатой называлась кладовка, которая за весь коммунальный период квартиры так и не была поделена между жильцами. После Надиных переустройств на месте ничьей комнаты остался лишь закуток. Подвластная голосу, Надя пошла туда и стала ощупывать штука-турку. Ничего не найдя, повернулась и стукнулась лбом о возникшую откуда ни возьмись стену. Стала протискиваться и застряла.

* * *

Спустя пару недель явился следователь с ордером. Вместе с подручными он долго вскрывал кувалдой и автогеном сейфовую израильскую дверь, а когда совладал с нею, то обнаружил лишь стройматериалы и разбросанное дамское барахло.

Стодвадцатиметровое жилище так и стояло бесхозным, пока новый начальник ЖЭКа не реализовал его своему ближайшему родственнику. Мы к тому времени уже переехали на окраину и узнавали новости от Майи Карловны, которая продолжала жить в своей комнате, в отличие от Анатолия Ефимовича – вместе с лаборанткой он переселился во Франкфурт. То ли на Одере, то ли на Майне.

Девяностые завершились, художник Саша с женой Леной три года потакали Алевтине Васильевне, ставшей на старости лет сладкоежкой, и та отписала комнату Ирочке. Родственник начальника ЖЭКа дождался хорошего покупателя и Надину квартиру перепродал. Новый владелец вернул санузел и кухню на законные места и зажил вполне счастливо: у жены – йога, у дочери – брекеты, сам по пятницам – в бордель. Вот только каждую осень в одной из спален иногда слышен звон посуды, в другой – плеск воды, а за стенами, скорее даже внутри, кто-то скребется и плачет.

Туфельки Сесилии

Сесилия привезла с собой нарядные туфельки. Туфельки были рассчитаны на торжественный бал. У них был и каблук, и ремешок. Размер у туфелек был кукольный, цвет – дымчато-черный. Туфельки завернулись в папиросную бумагу и притаились в картонной коробке.

Мама увидела их и подошла поближе. Шурша бумагой, она развернула одну. Держала ее в руке и молча смотрела. Почему она молчит, спросил я ее. Мама ответила, что тоже когда-то собиралась на бал в таких же вот туфельках из коробочки. Потом передала мне туфлю и ушла. Я повертел ее в руках, кажется, это была правая, положил обратно в коробку и пошел обедать.

А на бал мы с Сесилией не пошли, да и не планировалось у нас никакого бала.

Нефертити

Наконец я решился. Отринул сомнения и вооружился уверенностью. Я шел в солярий.

Вы спросите, чего я стеснялся? Как же чего... Стеснялся я многого: неопытности в деле ухода за собой, стеснялся прослыть педиком, короче, просто стеснялся. Так почему же я все-таки шел в салон красоты, где находился солярий? Мне не хотелось быть бледным. Смущала ли меня эта бледность? Нет, бледность меня не смущала, бледность смущала мою маму. При каждой встрече мама спрашивала: «Почему ты такой бледный? Ты плохо питаешься! Ты не спишь по ночам! Ты совсем не следишь за здоровьем!» Я больше не мог слышать эти упреки, но прекратить с ней общаться тоже не мог. Я люблю маму. Поразмыслив, я решил слегка подзагореть в солярии. Совсем чуть-чуть, только чтобы прикрыть бледность. Сильно загорать было нельзя, мама не одобряла загар. Если меня заносило на пляж или мои скулы темнели под городским солнцем, мама сразу же принималась упрекать меня в том, что я желаю заработать онкологию и тем самым свести ее в могилу. Солярий, который мама называла «солярисом», в ее пантеоне зла приравнялся к солнцу и бледности.

Я остановился перед сверкающими дверями салона красоты, потоптался немного, дернул дверь на себя, прочел надпись «от себя», толкнул дверь и оказался внутри.

Повсюду царили роскошь и благоухание. Стены мерцали цветом тусклого серебра, в зеркалах, обрамленных золоченой резьбой, проплывали таинственные отражения, хрустальные люстры струили приглушенный таинственный свет. По этому чертогу порхали кокетливые нимфы в белом. За стойкой портье, больше похожей на колесницу царицы Нефертити, горделиво стояла девушка безупречных форм и размеров, качественно выкрашенная под платиновую блондинку. Девушка взглянула на меня с царственной иронией, не лишенной, однако, некоторой благосклонности.

– Я вас слушаю, молодой человек, – молвила Нефертити со своей колесницы.

– Я... э-э-э... у вас солярий есть? – проси- пел я.

– Вертикальный, горизонтальный, с орошением ароматическими маслами, – донеслось с колесницы.

– А чем отличается эээ... вертикальный от горизонтального?

– В вертикальном вы стоите и можете свободно двигаться, а в горизонтальном – лежите, и в точках соприкосновения тела с лампами загар может лечь неровно. Например, на ягодицах.

Последнее слово Нефертити произнесла с явным удовольствием. Внутри меня все перевернулось. Я покраснел, представил себе упругий зад этой крашеной царственной особы, покраснел еще больше, потупился, увидел отпечатки моих кед на сверкающем полу и смутился окончательно.

Взяв себя в руки, я поднял глаза. Мне в лоб смотрели два полушария цвета кофе с молоком. Полушария едва не выкатывались из кружевных чашек бюстгальтера, натягивающего белую рубашку. Видимо, Нефертити расстегнула лишнюю пуговку, пока я паялся себе под ноги. Египетская царица издевалась над смущенным неофитом.

Я огляделся как-то дико, грохнул о стойку ладонью с пятисотрублевой бумажкой и рявкнул:

– На все!

– На все получится двадцать минут, вы пережаритесь, – насмешливо пропела царица.

– Не пережарюсь.

– Вам будет плохо.

«Что настоящему мужику двадцать минут солярия!» – подумал я, лихо развернулся и пошел.

– Я же вам не сказала, куда идти, – молвила Нефертити. – Вон в ту дверь.

Я двинулся в указанную сторону.

– Крем взять не желаете? – донеслось с колесницы.

– Давайте, – измученно ответил я.

– Будьте добры двести рублей.

– Так я же вам уже все отдал.

– А... у вас больше нет денег, извините...

«А...» Нефертити произнесла, как восклицание после изнуряющих минут любви. «... У вас больше нет денег» – как благодарность любовнику, а «извините» прозвучало прощанием с нежным юношей, которого она только что высосала до последней капли.

В голове у меня помутилось. На подгибающихся ногах я доплелся до двери и, оставшись один, бросился стаскивать с себя одежду. Неожиданно в дверь постучали.

– Забыла вам объяснить, как включить солярий, – донесся из-за двери знакомый голос.

Я, чертыхаясь, натянул трусы на оттопырившуюся плоть, прикрылся свитером и отпер замок. Нефертити переступила через мои скомканные джинсы и подошла к прибору.

– Чтобы включить лампы, нажмите вот эту зеленую кнопку с надписью «старт». – Нефертити оглядела мое жмущееся в углу тельце. – Если станет горячо, нажмите красную, «стоп».

Она вышла, играя бедрами. Я с трудом владел собой. Вскочив в солярий и задвинув дверцы, я нажал «старт». Мои глаза были закрыты. Сквозь веки просвечивала сиреневая накаляющаяся жара. Я ласкал себя, мысленно овладевая этой ведьмой, повелительницей красоты и загара. Я мямлил ее груди, раздвигал ягодицы и всячески повелевал ею. Через считанные мгновения я застонал, но успел подставить салфетку, которую предусмотрительно прихватил с полочки. Салфетка намокла и отяжелела. Я понял, что салфетки в солярии разложены именно для таких нужд.

В оцепенении я сполз на дно кабины и застыл. Я не заметил, как прошли оплаченные минуты и как погасли лампы. Сколько я так просидел – неизвестно. Из транса меня вывел стук в дверь.

– У вас все в порядке? – поинтересовался голос Нефертити.

– Д-да, уже выхожу, – заикаясь, ответил я и принялся спешно одеваться. Я не стал бросать салфетку в мусорное ведро. «Ничего она не увидит, не доставлю ей такой радости». Я обернул липкий комок другими салфетками и сунул в карман. Кожа немного зудела.

Зашнуровав кеды, я взглянул в зеркало. В полумраке комнаты цвета приобретали темные оттенки, мое лицо казалось шоколадным. Кожный зуд усилился. Обгорел, понял я. Лицо было не шоколадным, а темно-бурым. Мне стало страшно, я отпер дверь.

Нефертити смотрела испытующими глазами. Я попытался юркнуть мимо, но она окликнула меня:

– Ваша сдача.

– Я же просил на все...

– Я все-таки поставила вам десять минут вместо двадцати... Хотя вижу, что и это много...

Я молча сгреб деньги, буркнул «спасибо» и вышел.

На улице я осмотрелся. До дому было минут пять пешком, и я не знал, как преодолеть это расстояние с пылающей красным физиономией. На всякий случай я принялся улыбаться прохожим. Сначала от меня отшатнулась бабушка с пакетиком, потом парень в спортивном костюме грубо хохотнул вслед, и сразу после этого я встретился глазами с милиционером.

Милиционер воспринял мою улыбку с подозрением. Впрочем, любой на месте милиционера воспринял бы с подозрением заискивающе улыбающегося юнца с лицом цвета варено-копченой колбасы. Милиционер спросил у меня паспорт. Паспорта при мне не оказалось. Тогда милиционер велел показать содержимое карманов. Я достал ключи, кошелек, мелочь и...

комков салфеток. Надо ли уточнять, что именно этот последний предмет вызвал у опытного стража живейший интерес. Его профессиональное чутье подсказывало, что в салфетку непременно завернуто что-то запрещенное. Что-то пахнущее большими деньгами.

Милиционер принялся разворачивать салфетки с трепетом и волнением ребенка, разворачивающего новогодний подарок.

Я пискнул:

– Не надо...

Мой страх милиционер принял за подтверждение своих догадок и принялся разворачивать каждую складку с каким-то совсем уж иезуитским наслаждением. Я наморщился, кожа горела кремлевской звездой. Милиционер торжествующе приподнял последнюю складку. Я зажмурил глаза. Наступила гробовая тишина. Даже прилетевшие с юга грачи перестали трещать и уставились на нас.

– Это что? – глухо донеслось из самых недр милицейского организма.

Я раскрыл глаза. Милиционер рассматривал свои слипшиеся пальцы.

– Это... это крем для загара, – выпалил я. – Я часто загораю... – Я даже ткнул пальцем в свое лицо.

Милиционер дернул головой, моргнул, бросил салфетки на асфальт, отер пальцы о китель, опомнившись, принялся тереть то место на кителе, о которое отер пальцы. И какими-то рывками пошел прочь.

На этот вечер у нас с мамой был запланирован поход в театр. Чтобы избежать катастрофы, я сказался больным и остался дома. Мама пошла в театр без меня. Пока я мазал физиономию кефиром, эффектный пожилой господин угощал маму шампанским в театральном буфете. Пожилой господин оказался доктором наук и после спектакля пригласил маму в кафе. Они подружились, и мама перестала уделять внимание моей бледности. Теперь в солярий ходить не нужно, разве что ради встречи с Нефертити.

Попасть на Новодевичье кладбище

Черные, реже красные и серые. Крепкие устойчивые и хрупкие покосившиеся. Совсем редкая находка – деревянные, таких всего несколько. Многие увенчаны мраморными изваяниями, некоторые оформлены барельефами, попадаются скульптуры в полный рост, но абсолютное большинство украшено простыми фотографическими портретами. Красавицы и дурнушки, бравые вояки, покорители Арктики, интеллигенты-очкарики внимательно смотрят из своих овалов. Вдруг в глаза заглядывает восьмилетний мальчик в матроске. Его белобрысая головка обрамлена в стекло в середине белой мраморной плиты. Под фотографией мальчика вырезан кораблик и написано «Володенька». Я опускаю глаза, иду скорее прочь от Володеньки, от его мамы, пережившей сына на 43 года, и от папы, смерть которого совпала с годом апогея репрессий. Нет, Володенькин папа не был расстрелян, умер сам, иначе лежал бы не под белым камушком, а где-нибудь на дне безымянной ямы. Повсюду лесом стоят могильные плиты, памятники и изваяния. Я на Новодевичьем кладбище, месте упокоения советской элиты.

Забыть Володеньку с семейством легко – здесь так много интересного. Вот приземистая тумба с детским писателем, его считалочка скачет в мозгу и задорно выпихивает неприятные мысли. Вот заслуженная киноартистка, черно-белые ноги которой не давали мне уснуть в детстве. А вот целый выводок Героев Социалистического Труда и один генерал-майор. К концу аллеи Володеньки как не бывало.

Одна интересная пара заставляет меня остановиться. Если бы я мог посоветовать археологам будущего, по каким персонажам следует изучать ушедшую эпоху страны, я бы выбрал этих двоих. Ее мраморную голову украшает высокая прическа, на полированной шее бусы из чего-то увесистого, взгляд горделивый, присущий директрисе центральной московской спецшколы.

Он из бронзы. Шея забрана пластинами форменного воротника с шитьем. Плечи – погоны, грудь – шайбы медалей. Голова вылеплена грубо, без деталей. Наверняка они были крепкой семейной ячейкой. Правда, ее гладкий мрамор выглядит много качественней его угловатых бронзовых черт. Наверное, потому, что она умерла первой и скульпторы в те времена были мастеровитее. А может, наследники сэкономили на памятнике военному. Ведь неизвестно, любили ли они его так же, как он свою супругу.

Прямо передо мной стена. В нее вмурован целый экипаж самолета «Максим Горький» со всеми его пассажирами. Они закупорены в одинаковые вазы, а рядом подробно описано, как они в эти вазы угодили. Во время показательного полета пилот другого самолета по фамилии Петренко решил отличиться. Вопреки приказу он сделал мертвую петлю, потерял управление и врезался в «Максима». Все погибли. Петренко тоже. Советское правительство выплатило семьям пассажиров по 10 тысяч рублей. После подробного изучения надписей на вазах обнаружить Петренко не удастся.

От жертв бахвалистого пилота отвлекает громадный блок темной горной породы. Удивляют не размеры блока, а имя человека, который этим блоком придавлен. Человека этого я хорошо знал. Помню, как он, сидя за большим круглым столом в гостинной, произносил тост в честь моего деда. Мне было четыре года, и я копошился под столом с куском торта, который мне незаметно подсунула мама. Ноги в колготках и брюках вставляли, сверху доносился звон хрусталя и крики «ура».

Я перечитываю имя, фамилию и отчество этого человека и думаю: почему он достоин лежать здесь, а мой дед не достоин? Почему дед похоронен пускай на престижном кладбище, но на окраине, а этот, чьи серые носки я внимательно изучил тем далеким праздничным вечером, пролез сюда, в центр столицы? Неужели мой дед подмахнул меньше приказов, шлепнул меньше печатей, сделал меньше выговоров и уволил меньше людей?! Нет, не меньше! Тогда

почему, черт возьми, меня лишили права приходить сюда как в свой дом, гордо неся четыре алые розы мимо охранника, чтобы он видел: я не какой-нибудь любопытный шалопай, а скорбящий наследник одного из центурионов погибшей империи? Чудовищная ошибка вкралась в мою жизнь. После смерти мой дед оказался ловкачом меньшим, чем этот, под глыбой. А меня, наследника, лишили права скорбеть среди равных. Я прихожу сюда будто чужой. Принц, тайком проникший в собственный сад.

Я иду прочь, не разбирая дороги, и ударяюсь о бюст неизвестного. Маршал бронетанковых войск. Досадливо потирая лоб, читаю фамилию, замираю... Вспоминается далекая весна и стройная брюнетка. Она была внучкой этого маршала. Что-то у нас не сладилось. А ведь не расстанься я тогда с этой брюнеткой, мог бы рассчитывать на теплое местечко рядом со славным маршалом. Пусть не для себя, но для потомков историческая справедливость была бы восстановлена, и кто-нибудь из наших с брюнеткой отпрысков приходил бы сюда с четырьмя алыми розами...

Вконец раздавленный злою судьбой, бреду дальше. Мимо сочинителя героических эпосов, он повесился, мимо брата железного наркома – отравился, мимо жены кровавого диктатора – пустила себе пулю в лоб. Их изваяния крепки и незыблемы, как зубцы крепостной стены. На пути вырастает гранитный человек в клоунском облачении. Он выходит из скалы и никак не может высвободить ногу, увязшую в сером камне. Я останавливаюсь.

Почему его нога вязнет в камне? Почему он так похож на монстра? Ведь он смешил людей на арене, был человеком, при чем тут эта глыба... По спине пробегает холодок, я медленно оборачиваюсь. Лучшие умы, сердца и руки державы обступили меня. Отовсюду прут генералы и адмиралы, надвигаются академики и членкоры. Именитые деятели искусств щерятся, натягивая поводки. Я бегу, а заслуженные учительницы шипят вслед.

Возможно, все к лучшему. Может быть, мои родственники не недоделали чего-то, а наоборот, чего-то не совершили и потому покоятся далеко отсюда. Судьба, пожалуй, распорядилась правильно, избавив меня от искушения упокоиться здесь.

У ворот я останавливаюсь перевести дух и напоследок разглядываю случайный памятник. Я испытываю превосходство, стоя над некогда влиятельным человеком, лежащим теперь в земле у моих ног. Я нахально сметаю снежок с его мраморной головы и с железных букв имени. Но все имя очистить не получается, я не дотягиваюсь, мешает лужица талой воды. Я ухожу без сожаления, так и не узнав, кого похлопал по лысине. Он укоризненно сверлит мне спину каменными глазами, оставшись наедине со своим чопорным величием, а я спешу за ворота, подальше от этого некрополя чужих мне людей. Чужих отныне.

Напоследок я оборачиваюсь бросить последний взгляд. Из длинного автомобиля выходит юноша в элегантном пальто. В его руках четыре алые розы.

Я еще долго стою и смотрю ему вслед, хотя автомобиль укатил и только ветер гонит снег над тротуаром.

Аллергия на мандарины

Мы с Витькой выпивали в детском садике возле дома. Обыкновенный загончик, наполненный сооружениями, полезными для детского развития. Раскрашенные автомобильные крыши, наполовину вкопанные в землю, визжащие качели, деревянный медведь в человеческий рост с изуродованной мордой. Ничего не изменилось с тех пор, как мы ходили в этот садик воспитанниками, а после – на пьянки. Я так и не понял предназначения цветных крышек, а медведь по-прежнему тревожил мою совесть. Лет десять тому назад я своими руками выломал ему нос, поддавшись подростковой страсти разрушения. Медведь смотрел на меня с молчаливым укором. Теперь я бы ни за что не обидел его, но прошлого не воротишь. Стояла осень. Мы заканчивали первую пол-литру и собирались за второй.

– Чем заедать будем? – спросил Витька, перелезая через забор.

– Там решим, – ответил я, высвобождая ногу, застрявшую между прутьев.

В магазине был большой выбор. Щедрая рука разложила горку рулетов с джемом, копченые куриные ноги лоснились жиром, имелись также нарезки мясные и рыбные, крабовые палочки, фрукты и овощи. Короче, все, чего может пожелать душа выпивающего в детском саду человека. Мы выбрали мандарины. Продавщица завесила полкило и протянула теплую ноль пять.

– Холодной нет?

– Холодильник сломался.

Мы взяли стаканчики и двинули обратно к забору. Вторую, в отличие от первой, пили молча. На половине я признался:

– Знаешь, а у меня аллергия на мандарины. Зачем мы их взяли...

Витька счистил с фрукта мясистую кожуру и запихнул мохнатую мякоть в рот.

– У меня тоже, – брызгая соком, прочавкал он.

– Да ладно!

– Зуб даю! – Витька щелкнул себя по вставному клыку.

– У тебя с детства? – Я ухватился за нить новой беседы.

– Неа.

– А у меня с детства. Я их в детстве обожрался.

Мы снова умолкли. Витька пошуршал нагнанными под скамейку листьями.

– Как это ты их обожрался?

– Ну как это – как! Раньше же все дефицитом было, и мандарины тоже. Нам их друзья из Грузии присылали. У них дом был под Сухуми.

– Сухум – это Абхазия.

– Какая разница, тогда это Грузия была.

– Ну?

– Каждую осень пару ящиков по почте. Фанерные такие были ящики, с сургучными печатями.

– Точно! Я еще помню, как с бабушкой на почту ходил и там сургучом пахло.

– Интересно, сейчас пахнет?

– Сейчас евроремонт. Сейчас ничем не пахнет.

Мы замолчали. Воспоминания и дешевая водка нарушили логическую цепь в мозгу.

– Так вот, – очухался я. – Родители эти мандарины экономили. Сами не ели, мне отдавали. И однажды я съел целый ящик, у меня распухло горло, и я чуть не задохнулся.

– В натуре?! – оживился Витька.

– Ага. – Я с гордостью вспомнил опасный инцидент и ощутил себя настоящим мужиком.

– Выпьем за жизнь.

- Лехаим!
- Чего?
- «За жизнь» по-еврейски.
- Ты разве еврей? – с сомнением оглядел меня Витька.
- Нет... в общем. Подружка была еврейка.
- Мы чокнулись, выпили, поморщились.
- На. – Витька сунул мне под нос полмандарина. Я разинул рот. – За папу, за маму, ути мой хороший, – рассмеялся Витька, скормив мне половинку и сожрав другую. – А у меня от другого.
- Чего от другого?
- Аллергия.
- Я достал сигареты, угостил Витьку, пристроил свою в губы, закурил.
- Я когда репортажи в Абхазии делал... – Витька затаился.
- Про войну, что ли?
- Ну да. Там как раз сезон был... Начало ноября, мандарины поспели, а собирать некому.
- И ты их все сожрал?! – расхохотался я.
- Да че ты все сожрал да сожрал, как будто ничего другого нет! – раскипятился Витька.
- Шутка просто.
- Не буду рассказывать. – Витька задумался.
- Ну, Витян, не обижайся.
- Не знаю...
- Витян, дорасскажи, раз начал!
- Ну, работал я с одним абхазским отрядом. Описывал, как и что. У них там одна баба была, прикинь.
- Круто!
- Лия Арнба. В бейсболке с надписью USA, в бронике, везде запасные магазины. – Витька хлопнул себя по груди, бокам и бедрам. – Бывшая училка.
- Ну и как ты с ней?
- Никак. Мы попали в засаду. Возле Сухума. В мандариновой роще...
- Витька затаился.
- Мандарины тогда никто не собирал, они опали и покрывали всю землю. Реальный оранжевый ковер, только хлопает под ногами. Впереди Лия, я с камерой за ней. И вдруг тра-та-та! – Витька отпил из горлышка. – Лия упала, не помог броник. Остальные залегли, отстреливаются.
- За забором прошли молодые девчонки, хихикнули.
- Давайте к нам! – крикнул я.
- Мы замужем! – кокетливо ответили девчонки.
- Витька продолжил:
- И вот лежу я весь в ее кровище и одновременно в мандариновой жиже. Знаешь, как сицилийские апельсины, красно-оранжевые. Все липкое, в носу, во рту, в ушах. Глаза щиплет. Голову не поднять. А краем глаза вижу синее небо и крупный мандарин, прямо перед носом. У него кожа мясистая была, вся в порых. Как нос у алкоголика. Так и пролежал полчаса, пока меня не оттащили... – Витька разлил остатки, передал мне стакан, поднял свой. – За жизнь.
- За жизнь.
- Водка пошла с трудом. Закусывать было нечем, мандарины кончились.
- С тех пор у меня от мандаринов все чешется.
- Мы помолчали.
- А может, это была та роща, из которой твои знакомые мандарины присылали? – Подумал вслух Витька.
- Может, и та. Они грузины были. Когда заваруха началась, мы с ними связь потеряли.

Подул ветер. Стало смеркаться. Проехала патрульная машина. Нас не заметили.

– У тебя уже чешется? – спросил Витька.

– Неа. А у тебя?

– И у меня не чешется.

– Может, прошло...

Зайчик, который живет под снегом

В новостях сообщали об успешно проведенной контртеррористической операции. Настроение у населения было приподнятое. Стоял солнечный сентябрь.

Мы с Витькой пили вино и болтались по переулкам среди самой дорогой недвижимости нашего города. Солнце жарило особенно усердно, и к обеду мы порядком напились. Захотелось отлить. Нырнув в первую попавшуюся арку, мы оказались в тихом, безмятежном дворике. Пятна света красиво лежали на асфальте, вокруг не было ни души.

Встав возле мусорных баков, мы расстегнулись. «Удивительно, – подумал я, – как мало надо двадцатилетнему парню для счастья – отлить в хорошей компании». Я посмотрел на Витьку глазами, полными крепкой мужской дружбы. Он ответил мне тем же, и мы принялись соревноваться, у кого длиннее струя. Каждый попеременно лидировал, и никто не хотел уступать. Силы были почти равны, но в какой-то момент мне удалось вырвать инициативу. Я отошел от мусорного бака почти на метр, мне уже померещились охапки роз и венки триумфатора, но тут сбоку послышался шорох и мелькнуло что-то белое.

В детстве я читал, что у сибирских охотников сильно развито боковое зрение. На меня этот факт произвел глубочайшее впечатление, и с тех пор я постоянно проверяю свое боковое зрение. Мне всегда казалось, что боковое зрение у меня отличное. Не знаю уж, могу ли я соревноваться с сибирскими охотниками в дальности струи, но в зоркости бокового зрения точно могу. Итак, мое боковое зрение подало тревожный сигнал. Рядом запарковался белый «Мерседес». «Прямо как в песне «ах Черное ты море, ах белый “Мерседес”», – подумал я. Моря, правда, не было, но его вполне могли заменить два бурных потока, рассекающих двор пополам.

Из «Мерседеса» вышли холеный мужчина и нежненькая мадам с загорелыми лодыжками и на высоких каблуках. Мы с Витькой затряслись от немого смеха, потоки забурили пуще прежнего, запенились, соединились где-то в арке и понеслись бурной рекой в переулочек.

Мужчина нажал на кнопку центрального замка, «Мерседес» послушно пикнул и уснул. Мадам на цыпочках перескочила Витькин поток, потопталась на островке, перемахнула через мой и брезгливо зацокала к подъезду. Мужчина шагнул смелее, но об осторожности тоже не забывал. Мы добродушно смеялись и читали их мысли: «Ну и страна!»

Года через два мы сидели на ступеньках бульварного променада в том же районе. Была замечательная погода, которая длится только несколько дней в апреле. По радио сообщали, что очередная контртеррористическая операция завершилась успешно, мы отмечали новые ярко-оранжевые штаны Антохи. Я приобрел эти штаны в феврале за пятьсот рублей, но после парочки презрительных замечаний моей тогдашней подружки стал себя в них чувствовать неуверенно. Тут Антоха выразил желание штаны купить. Я с радостью провернул сделку, и теперь он угощал нас с Витькой в честь удачной покупки.

Для начала мы выпили бутылку белого. Потом Витька пошел за второй, но вернулся сразу с двумя. Продавщица ошиблась и дала ему две бутылки по цене одной. Когда последняя опустела и звякнула вниз по ступенькам, мы заметили по другую сторону улицы большое здание белого цвета. К стенам здания лепились скульптуры из пластмассы, имитирующей бронзу, у подножия кучковались киоски с хот-догами, в золотых куполах здания плавилось богатое солнце нашего города. Как обнаружилось впоследствии, нас одновременно посетила одна и та же мысль: «Мы, рожденные в этом городе, никогда не видели данное знаменитое сооружение изнутри». Сказано – сделано. Не сговариваясь, мы перебежали поток машин, оправили одежду и ринулись в двери. Я на всякий случай нацепил темные очки, чтобы не пугать своим нетрезвым взглядом набожную публику.

Интерьер поразил нас разноцветными росписями, величественными сводами и всеобщей чистотой. Я даже снял очки, тем более что набожной публики под сводами не оказалось. Налюбовавшись вдоволь, мы вышли на свежий воздух и направились к реке. По пути к набережной, примерно в том месте, где, судя по старинным фотографиям, раньше стоял памятник императору, мне приспичило. Выбор был невелик – урна возле вентиляционной вытяжки, замаскированной под часовню.

Витька смотрел в одну сторону, Антоха – в другую, они как два зорких сокола хранили меня в этом рискованном мероприятии. Урна оказалась пустая, отчего струя задорно звенела. После мы, не задерживаясь, сбегали к реке. У наших ног плескалась мутная жидкость, а на противоположном берегу высилось мрачное серое здание, свидетельствующее о великом прошлом нашей страны. Тут отлить захотел Антоха.

Он встал, легко, как стриптизер, освободился от оранжевых штанов и остался в белых обтягивающих трусах-шортиках. В этих трусах он напоминал порочного ангелка. Тут мне так сильно захотелось показать моему верному другу, как я его люблю, я почувствовал такую гармонию со всем миром и с этой речкой, что тоже снял штаны и встал рядом. Это были замечательные мгновения, которые уже никогда не повторятся. Всепоглощающая энергия дружбы охватила даже Витьку, нашего сдержанного на эмоции друга. Он тоже было взялся за молнию на ширинке, но тут мы заметили влюбленную парочку. Влюбленные заметили нас. Наступила тишина.

Первым очнулся Антоха. Он вспомнил, что работает директором по кастингу на телевизионном шоу «Первое свидание». В его обязанности входило снабжение шоу приятными молодыми людьми. Видимо, профессиональный инстинкт подсказал Антохе, что влюбленные, застывшие в нескольких метрах от нас, и есть те приятные молодые люди, которые вполне сгодятся для «Первого свидания». Если бы я набирал участников для телешоу, я бы таких не взял, уж слишком они похожи: у него серые волосики и у нее тоже серые волосики, у него толстые очки, у нее телескопы, у него жидкие усики и у нее какая-то поросль. У меня даже мелькнула мысль об инцесте, так они были похожи. Но профессионалы в отличие от раздолбаев видят суть вещей, а Антоха был именно профессионалом. Он кинулся к парочке. Я, не раздумывая, устремился за ним, за мной еле поспевал Витька. Штаны Антоха так и не подтянул.

Влюбленные-близнецы бросились наутек. Чего они больше испугались, осталось тайной. Антоха потом утверждал, что это мы с Витькой виноваты. Думаю, причина была не в нас, а в его истошных воплях и в том, что он был без штанов. Антоха кричал:

– Эй, подождите! Я из «Первого свидания»! Вас покажут по телевизору! – Не знаю, как вы, но если бы за мной погнался человек в спущенных оранжевых штанах, вопя что-то про первое свидание, я бы постарался избежать общения с ним.

– Тебе надо пересмотреть политику привлечения новых участников, – советовал я Антохе впоследствии. – Горожане пока не готовы к подобной раскованности.

Таким образом мы проследовали несколько десятков метров по центральной набережной города. Впереди скакали влюбленные, за ними шкандыбал Антоха, сверкая попкой, обтянутой белыми трусами, и путаясь в оранжевых штанах. Процессию завершали мы с Витькой, оглядываясь по сторонам на всякий случай.

Постепенно погоня захлебнулась. Влюбленные-близнецы поднажали и дали такого стрекача, что, даже если бы Антоха натянул штаны как следует, он бы их все равно не догнал. Мы стали отставать, а потом и вовсе прекратили преследование, остановившись под мостом переждать дыхание.

С тех пор много всего было, сразу и не расскажешь. Но то, с чего все началось, не забуду никогда. Была зима, мне исполнилось три года, я гулял по парку с папой. Точнее, не гулял, а с трудом передвигался, растопырив ручки...

...На мне колючая шерстяная буденовка, черная меховая шубка и валеночки в красных калошах. Варезки сжимают лопатку. Я стыжусь красных калош, мне хочется черные, как у всех. Поэтому я стараюсь поглубже залезть в снег, чтобы спрятать калоши. Мне хочется писать, и я обращаюсь за помощью к папе. Папа ведет меня за деревья и помогает спустить рейтузики с колготками. Струйка пробивает в снегу желтенькую норку, над которой клубится пар.

– Почему дым, папа? – спрашиваю я.

– Это не дым, а пар. Так бывает, когда кто-то дышит.

– А кто там дышит?

– Зайчик.

Папа говорит, что под снегом живет зай- чик и что надо писать аккуратно, чтобы не обжечь зайчика.

– А как его увидеть?

– Зайчика, который живет под снегом, трудно увидеть. Он сам показывается когда хочет.

Я вглядываюсь в дымящуюся норку. Зайчика все нет. «Не попал», – думаю я и писаю дальше, и все смотрю и смотрю, и все жду зай- чика, который живет под снегом.

Как мы сбили Ивана Пургина

Осенним дождливым вечером красный Витькин джип неторопливо катился во второй полосе слева по Садовому. Мы негромко смеялись и сладко нежились в замше курток. Фонари отражались в мокром асфальте, в окнах домов горели уютные огоньки, мы собирались проводить пару ночных клубов. Был один из таких вечеров, когда хорошо потанцевать, а после сидеть перед камином в полутемном зале, где по углам оплывают толстые свечи, и неспешно попивать портвейн. На разделительной полосе стояла шатающаяся человеческая фигурка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.